

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование является первым в отечественной и зарубежной историографии результатом анализа настроений населения СССР в период самой продолжительной битвы второй мировой войны на основе самого широкого круга источников, включая документы спецслужб противоборствовавших сторон. Исследование показало, что только подобный подход, ставящий проблему настроений в широкий контекст анализа сталинизма, отношений власти и народа в период Великой Отечественной войны на основе максимально возможного круга отечественных и зарубежных источников позволяет выйти на новый уровень знаний о политической и социальной истории СССР. Существенными, на наш взгляд, являются итоги проведенного источниковедческого анализа документов немецких и советских спецслужб, а также иных использованных источников.

Основные исследовательские задачи предопределили наш интерес к деятельности центральной и региональной власти в период битвы за Ленинград, преимущественно в первый год войны. Именно по отношению к советской власти формировались *политические* настроения населения. Нам удалось установить, что общение Кремля со Смольным в августе–декабре 1941 г. было очень интенсивным. Государственный комитет обороны, сосредоточивший в своих руках всю власть, стремился осуществлять строгий контроль за всем, что происходило в стране, в том числе и в Ленинграде. Однако в связи с быстро ухудшавшейся обстановкой на фронте, до середины августа 1941 г. Ленинград во многом был предоставлен самому себе. Традиционная иерархия отношений, когда Ленинград полностью полагался на директивы Москвы, на короткое время была нарушена, что, в конце концов, привело к серьезным трениям между Сталиным и ленинградским руководством. Сталин стал проявлять особое беспокойство по поводу развития ситуации на ленинградском направлении, когда вермахт уже непосредственно угрожал

городу. С этого момента в течение нескольких недель Ленинград оказался в центре внимания Сталина и ГКО.

Отношения Сталина с руководством обороны Ленинграда на протяжении всего этого времени имели несколько общих черт. Во-первых, почти во всех случаях именно он инициировал диалог со Смольным. Во-вторых, Сталин высказывал серьезное недовольство действиями, которые предпринимались с целью защиты города. В-третьих, он постоянно подчеркивал, что Ленинград следует оборонять до последней возможности, а при худшем варианте развития ситуации, по его мнению, необходимо было, прежде всего, отдавать предпочтение интересам армии и обеспечить ее вывод.

С середины августа на протяжении нескольких месяцев Ставка в отношениях со Смольным подчеркивала, что она «не может мириться с настроениями обреченности и невозможности предпринять решительные шаги, с разговорами о том, что уже все сделано и ничего больше сделать невозможно».

Государственный Комитет Обороны еще в начале осени 1941 г. знал об имевших проблемах с обеспечением Ленинграда и возможных последствиях. Однако предпринимавшиеся усилия не были достаточными и, кроме того, не имели постоянного характера — у Москвы просто не было необходимых сил и средств для полноценного снабжения Ленинграда. Отражая массивное давление по многим направлениям, Сталин действовал в условиях постоянного цейтнота, из многих зол выбирая меньшее.

Ухудшение положения под Ленинградом в начале сентября 1941 г. вызывало большую тревогу не только в Москве, но и в Лондоне. Опасаясь попадания остатков Балтийского флота в руки немцев, Черчилль просил Сталина уничтожить флот в случае необходимости, предложив выплатить за него частичную компенсацию¹. Как известно, Сталин отклонил это предложение и не только по дипломатическим соображениям, хотя подготовительные мероприятия по уничтожению флота были проведены. Для него речь шла не о флоте и не о заводах, а о власти. В сентябре 1941 г. битва за Ленинград имела решающее значение для судьбы всей страны. Решение Гитлера блокировать Ленинград, перебросив на московское направление лишь часть своих сил, объективно было выгодно Сталину — распыление сил противника давало шанс подтянуть резервы и остановить продвижение вермахта вглубь страны.

По мере стабилизации фронта под Ленинградом и нарастания угрозы под Москвой внимание Сталина естественным образом переключилось на столицу, оставив на несколько месяцев Ленинград практически один

¹ Churchill Archive (CHAR). 20/87. P. 150.

на один с растущим клубком проблем. Конечно, это не означало минимальной материальной помощи городу и дипломатических усилий Сталина с целью вывода из войны Финляндии, войска которой, как известно, вместе с немецкими войсками блокировали Ленинград.

Проведенное исследование позволяет сделать некоторые выводы, которые дополняют многочисленные исследования о деятельности руководства обороной Ленинграда в годы войны. Функции власти в условиях войны существенно изменились. На первое место вышли проблемы *обеспечения национальной безопасности, мобилизации* и использования ограниченных ресурсов (включая продовольствие), большая часть которых перераспределялась для решения военных задач. В этих условиях объективно произошло перераспределение властных функций в пользу военно-репрессивных органов.

Исключительно важное значение имела *информация* как общего характера о положении на фронте и в стране, так и в мире в целом. От обладания информацией зависела правильность принимавшихся решений, а также выбор стратегии выживания в условиях блокадного Ленинграда — шла ли речь об эвакуации, трудоустройстве на продолжающие работать предприятия или же стремлении уйти в армию. Последнее, как это ни парадоксально звучит, было одним из способов вырваться из умирающего города зимой 1941–42 гг. В условиях войны в Ленинграде право на получение информации было предоставлено очень узкому кругу лиц, число которых не превосходило 25–30 человек, входивших в военно-политическое руководство обороной Ленинграда и органы разведки, а также представлявших в Ленинграде ГКО. Все остальные, включая представителей среднего звена партийно-советского аппарата, получали дозированную информацию.

Укрепившаяся в условиях блокады «иерархия потребления» на фоне голода и неспособности власти обеспечить минимальные потребности горожан в самом необходимом, а также неинформированность подавляющего большинства горожан о перспективах борьбы способствовали все более критическому к ней отношению на протяжении 1941–42 гг.

В проведенном исследовании также сделаны выводы о ряде упущений руководителей города в начальный период войны, не извлекших уроков из опыта Зимней войны и не сумевших своевременно оценить степень угрозы Ленинграду. Результатами этого стали рано возникшие проблемы со снабжением, а также наличие в городе огромного числа недееспособного населения.

Наконец, потребности в мобилизации всех сил на отпор врагу в условиях продолжавшейся войны, а также боязнь ответственности за произошедшее в период первой блокадной зимы привело к попыткам ленинградского руководства воздействовать на формирование коллек-

тивной и официальной памяти о блокаде как исключительно героической страницы отечественной истории.

Одним из важнейших исследовательских результатов является характеристика системы политического контроля. В условиях войны целями политического контроля были нейтрализация немецкой и иной враждебной пропаганды, изучение настроений с целью обеспечения лояльности населения на фронте и в тылу, предотвращение и искоренение различных форм протеста и оппозиции, локализация «нездоровых» настроений, формирование эпической коллективной памяти о войне и блокаде. В период битвы за Ленинград это означало контроль за движением информации во всех направлениях с целью недопущения распространения негативных настроений, связанных с голодом и высокой смертностью.

Задачи политического контроля формулировались как на основании *ожиданий* власти относительно действий противника и поведения населения в условиях начавшейся войны, так и *конкретных обстоятельств*, складывавшихся на том или ином участке фронта и в тылу. В первом случае речь шла о комплексе *превентивных* мер по обеспечению стабильности на «внутреннем фронте», носивших универсальный характер, во втором — *оперативном* реагировании, которое различалось в зависимости от времени и места. Такое различие представляется необходимым сделать не только для того, чтобы показать общее и особенное в осуществлении политического контроля.

Важным результатом исследования был анализ специфики режима политического контроля в Ленинграде. В целом, господствовавший в годы войны режим политического контроля сложился к началу блокады и сохранялся без изменений в течение почти трех лет. Политический контроль был в целом эффективным (хотя и не тотальным) и большей частью осуществлялся в рамках существовавшего в то время закона. На эффективность деятельности политического контроля в Ленинграде обращали внимание как сами чекисты, так и их визави — германские спецслужбы. Одним из результатов деятельности органов политического контроля в годы битвы за Ленинград (и, вероятно, войны в целом) было фактическое перераспределение власти в пользу военных и органов госбезопасности, с середины 1943 г. начавших осуществлять контроль и за членами партии.

Оценка настроений в армии и в тылу на основании материалов НКВД, военных трибуналов и военной прокуратуры должна, на наш взгляд, учитывать фактор *стабильности* режима контроля в рассматриваемый промежуток времени. Очевидно, что усиление репрессивного уклона на центральном уровне, происходившее по причине провалов на отдельных участках советско-германского фронта (например, на киевс-

ком направлении летом 1941 г. или под Сталинградом в июле — августе 1942 г.), оказывало воздействие на деятельность органов контроля на всей территории СССР. Происходивший всплеск их активности выражался, как правило, в давлении на агентурную сеть, что приводило к *статистическому* росту зафиксированных антисоветских проявлений, в том числе опасных военных преступлений. Иными словами, в разные периоды войны и битвы за Ленинград были *разные режимы контроля* с различающимися установками репрессивных органов. Например, на Ленинградском фронте в первые месяцы войны, особенно в августе — начале сентября 1941 г., отношение к дезертирам было гораздо более либеральным, чем в последующем, после принятия в сентябре приказа «Ни шагу назад».

Таким образом, анализ статистических данных военных трибуналов и органов НКВД целесообразно производить с учетом того репрессивного режима, который существовал в тот или иной период. Выделение таких периодов с неизбежностью ставит вопрос о критериях квалификации политического контроля. Спектр видов политического контроля различается, на наш взгляд, в зависимости от того, *как* распределяются задачи по обеспечению «внутреннего фронта» между основными институтами: партией, НКВД, прокуратурой, общественными организациями, самими гражданами.

Отмечая существенно возросшее значение НКВД в системе политического контроля в годы войны, важно подчеркнуть, что ситуация была далекой от произвола местных органов госбезопасности. Во-первых, региональное управление НКВД находилось под контролем центрального аппарата наркомата. Оно не только в безусловном порядке выполняло директивы НКВД по всем вопросам, начиная от рутинных справок о количестве выявленных в городе шпионов («венгерских, румынских, финских, германских, английских» и т.п.) до политически исключительно важных мероприятий, таких как подготовка к Нюрнбергскому процессу и суду над военными преступниками в Ленинграде, но направляло в Москву все приказы и распоряжения по агентурно-оперативной работе. В случае нарушения установленного порядка (например, задержки с отправкой документов) следовало строгое внушение из центра. Такая ситуация существовала и до войны, но в 1941-45 гг. Наркомат внутренних дел издавал специальные приказы по этому вопросу. Региональное управление регулярно информировало НКВД обо всех аспектах своей работы, передавая по телеграфу или спецпочтой десятки спецсообщений ежедневно. Часть этой информации в переработанном виде шла дальше по инстанциям, включая ГКО. Все отчеты об оперативно-агентурной деятельности подвергались тщательному анализу в наркомате и с соответствующим заключением переправлялись в Большой дом.

Во-вторых, нельзя недооценивать роль Военного Совета, городской партийной организации, военной прокуратуры (и, косвенно военных трибуналов) в контроле за деятельностью органов НКВД, а также неформальных механизмов. Выделяя Управление НКВД из всей системы органов политического контроля как самое *эффективное*, следует, все же заметить, что и в его работе существовали определенные проблемы. Передав почти половину своих оперативных сотрудников в особые отделы в начале войны, оно оказалось в весьма сложном положении. В ряде случаев на поимку действительных противников режима уходили многие месяцы — отрабатывались разные версии, просматривались тысячи документов с целью сличения почерков, проводились многочисленные экспертизы, осуществлялись агентурные проверки, а результата добиться не удавалось.

Наконец, главным, на наш взгляд, было то, что несмотря на всю тяжесть ситуации в городе и на фронте осенью и зимой 1941-42 гг., власть все-таки опиралась на *закон*. Ее способность не скатываться к «чрезвычайщине», а более или менее нормально отправлять правосудие, свидетельствовала об *устойчивости* этой власти, о том, что она была в состоянии управлять. Это, конечно, не исключало возможности произвола (в сентябре 1941 г. Политуправление Балтфлота, как мы видели, само установило санкции в отношении семей изменников Родины), а отдельные следовали УНКВД фабриковали «дела» об антисоветской деятельности.

Одним из важнейших выводов исследования является то, что характеристика выявленных настроений не оставляет сомнения в справедливости утверждения сторонников «ревизионистской» школы историков советского периода, подчеркивавших наличие многообразных форм проявления социальной активности, включая как осознанный патриотизм большинства, так и «отклоняющееся» от советской нормы поведение отдельных групп населения.

Основным результатом исследования является воссоздание основных тенденций в развитии настроений, а также качественной и количественной характеристики настроений, особенно той части их спектра, которые граничили с оппозиционностью советскому режиму.

Война способствовала кристаллизации тех гетерогенных политических настроений, которые были характерны для населения Ленинграда накануне войны. Собственный опыт ленинградцев, испытавших на себе воздействие тягот и лишений блокады, не всегда эффективная работа местных органов власти и управления, целенаправленная подрывная деятельность противника, проходившая в условиях жесткого политического контроля и активности советской пропаганды, сделавшей главный акцент на отечественном характере войны, а также союзнические от-

ношения СССР с демократическими государствами — все это, по-разному действуя на ленинградцев, и определяло настроения горожан.

Важнейшим исследовательским результатом является представленная периодизация развития настроений, в основу которой было положено отношение населения к власти. На общем фоне патриотического «оборончества», превалировавшего на протяжении всей ленинградской эпопеи, также имели место:

- 1) постепенное нарастание «негативных» настроений, включающих нарастание антисемитизма и различные элементы политического протеста (вторая половина июля 1941 г. — февраль 1942 г.);
- 2) снижение политической активности населения и развитие апатии, стремление эвакуироваться, преимущественно экономические требования (февраль — июль 1942 г.);
- 3) всплеск религиозных настроений (1943–44 гг.), наконец,
- 4) возвращение доверия власти и ожидание перемен (1944–45 гг.).

По мере нарастания военных трудностей и проблем со снабжением в городе росло число лиц, настроения которых органы государственной безопасности и партийные информаторы характеризовали как негативные. Тяжелые военные поражения, неспособность власти защитить и обеспечить население самым необходимым в 1941–1942 гг. были тем стержнем, вокруг которого развивались политические настроения ленинградцев в течение первого года войны.

Изначально стихийные и спонтанные по своей природе негативные настроения в течение первой блокадной осени и зимы развились практически среди всех слоев населения. Не искушенные в политике массы в первые месяцы войны не критически отнеслись к потоку социальной демагогии, распространявшейся противником через различные каналы. Недостаточно ясное понимание частью населения целей войны со стороны нацистской Германии привело к нарастанию пацифистских, пораженческих, а в ряде случаев и прогерманских настроений. Число таких настроений постоянно росло и, по данным военной цензуры, достигло в январе 1942 г. наивысшей точки — 20%. Хотя в феврале и марте 1942 г. статистика УНКВД свидетельствовала о некотором снижении негативных настроений, их число оставалось существенно большим, нежели в довоенное время. Аналогичные тенденции в развитии настроений в городе отмечали и органы немецкой разведки. Что касается настроений в армии и на флоте, то при той же динамике их развития, уровень негативных настроений был примерно вдвое ниже, чем в Ленинграде. Это было связано не только с лучшим снабжением, чем в осажденном городе, но и рядом других факторов (осмысленность борьбы и ясность

перспективы; «информационная» изолированность от смерти родных и близких и др.)

Проведенное исследование позволило выявить основные формы протеста в период битвы за Ленинград. Собственно антисоветских и прогерманских настроений в городе было мало, хотя они постоянно фиксировались агентурой НКВД и органами военной цензуры. Наряду с высказываниями, которые трактовались как антисоветская агитация, свое развитие получили: уклонение от призыва в действующую армию; направление в адрес различных институтов власти, средств массовой информации, а также военнослужащим Ленфронта анонимных писем с резкой критикой проводившейся в СССР и в Ленинграде политики; написание и распространение антисоветских листовок, а также пересказ немецких листовок; составление списков партийного и советского актива для передачи их противнику в случае сдачи города; попытки наведения немецкой авиации на военные объекты Ленинграда; отдельные случаи забастовок; стремительный рост преступлений, связанных со стремлением выжить в нечеловеческих условиях блокады (хищения продовольствия; изготовление фальшивых карточек; нападения и убийства с целью завладения продовольственными карточками, наконец, каннибализм); наконец, самоубийства.

Наиболее динамично настроения развивались в военные месяцы 1941 г., когда от практически тотальной поддержки режима, нашедшей свое выражение в компаниях по мобилизации, формированию армии народного ополчения и строительства оборонительных сооружений, к началу блокады не осталось и следа. Власть впервые столкнулась с кризисом доверия, что нашло свое отражение не только в среде обычных людей, но и в партии. Резкое сокращение приема в ряды ВКП(б) в сентябре – октябре 1941 г., свертывание партийной работы многими первичными организациями, стремление рядовых коммунистов скрыть свою принадлежность к партии и т.д. было явным симптомом политического кризиса. Именно он приковал внимание к вопросу о способности власти обеспечить интересы горожан, о причинах поражений, а также об идеальной модели власти. В дальнейшем, негативные настроения развивались главным образом в связи с чудовищным голодом. Закрывание большинства предприятий способствовали росту индивидуализации людей.

Проведенное нами исследование свидетельствует о том, что «революционизирование» населения Ленинграда в период блокады трижды начиналось почти «с чистого листа». В первый раз это произошло сразу после начала войны, когда обнаружился общий патриотический подъем и готовность защищать родину (в отношении этого периода имеются статистические материалы политорганов, военных трибуналов), во вто-

рой раз — перед началом блокады, когда почти весь «контрреволюционный» и потенциально «опасный элемент» был вывезен за пределы города или изолирован, и в третий раз — после завершения эвакуации летом 1942 г., когда все, кто *хотел* покинуть город, могли это сделать и в нем практически не осталось лиц, не веривших в возможность выстоять еще одну блокадную зиму и победить.

Динамика развития настроений среди защитников Ленинграда несколько отличалась от той, что была в блокадном Ленинграде. Во-первых, развитие «негативных» настроений началось существенно раньше, чем в Ленинграде. Тяжелые поражения на фронте, вынужденный отход Красной Армии в сочетании с активной пропагандой противника, умело использовавшей социальную демагогию, способствовали развитию дезертирства, которое как массовое явление было остановлено лишь в 20-х числах сентября 1941 г. В дальнейшем динамика развития настроений и их содержательная составляющая на фронте были схожи с процессами, имевшими место в блокадном Ленинграде с той лишь разницей, что количество «негативных настроений» было вдвое меньше. Это было связано с двумя главными причинами. Во-первых, снабжение действующей армии было значительно лучше. Во-вторых, командование фронта обеспечивало деятельное участие в попытках прорыва блокады, включая активную учебную и партийно-политическую работу.

Естественно, что не все из настроений 1941–42 гг. дожили до конца войны. Значительное число их носителей было изолировано органами НКВД либо погибло в период блокады. Успехи Красной Армии отчасти вернули утраченное доверие к власти. Однако практически всеобщим было ожидание перемен — перемен в сторону либерализации экономической и политической жизни. Отказ от колхозов, возврат к нэпу, свобода религиозной жизни, реализация конституционных прав и свобод — все это представлялось не только целесообразным, но и возможным в конце войны.

РПЦ, союз с которой помог власти мобилизовать внутренние и внешние ресурсы на борьбу с нацизмом, тем не менее, не могла рассчитывать на долгое партнерство с Кремлем. Антисоветская деятельность Православной миссии на оккупированной территории СССР на протяжении всей войны подпитывала недоверие к институтам церкви у органов госбезопасности, которые заняли более значимое место в иерархии власти.

Настроения жителей оккупированных районов Ленинградской области определялись длительным характером оккупации и сравнительной слабостью партизанской и подпольной деятельности во многих районах. Созданный противником оккупационный режим, а также проводимые им мероприятия (прежде всего, так называемая «аграрная реформа»),

умелая пропагандистская деятельность, в которой наряду с ротами пропаганды вермахта принимали участие представители Православной миссии способствовали формированию настроений, которые во многом носили антисоветский характер. Тем не менее, героическая оборона Ленинграда, а также весьма эффективная деятельность советских спецслужб, партизан и подпольщиков по уничтожению наиболее активных коллаборантов сохраняли состояние тревоги и напряжения среди тех, кто сотрудничал с оккупантами.

Развивавшиеся в период блокады негативные настроения, подчас перераставшие в оппозиционность советскому режиму, рост интереса к союзным демократическим государствам, развенчание авторитета власти в 1941–42 гг., резкая критика довоенной внутренней политики СССР (особенно коллективизации), а также ожидание радикальных перемен после войны — все это, будучи известным Сталину через органы НКВД, создавало основы формирования послевоенной политики — внутренней и внешней.